

Трансформация конфликтов: комплексная задача

Хью Майалл

www.berghof-handbook.net

Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention •
Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace •
Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking •
Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution
• Crisis Prevention • Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian
Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies •
Peacekeeping • Peacemaking • Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict
Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention • Development Cooperation •
Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding
• Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking • Post Conflict Rehabilitation
• Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention •
Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace •
Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking •
Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution
• Crisis Prevention • Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian
Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies •

Трансформация конфликтов: комплексная задача

Хью Майалл

1. Введение

В чем состоят современные достижения теории трансформации конфликтов? Сложилась ли уже их теория, и если да, то на чем она зиждется? Могут ли практики использовать ее как руководство к действию? Могут ли ученые воспользоваться ею для осмысления динамики развития конфликта и для оценки эффективности вмешательств?

Цель данной статьи – выявить характерные особенности и ключевые аспекты теории и практики трансформации конфликтов. Теория необходима для анализа конфликта, а также для разработки соответствующих форм реагирования на конфликт и оценки результатов этого реагирования. Статья приводит доводы в пользу того, что она постоянно должна корректироваться в соответствии с меняющейся природой конфликта, и что современные теории должны принимать во внимание глобализацию конфликтов и вмешательств в них.

В первом разделе проводится анализ различий между теорией трансформации конфликтов и теориями их урегулирования и разрешения. Здесь же более подробно рассматривается несколько основных подходов, а затем поднимается вопрос о том, выстраивается ли совокупность этих подходов в стройную теорию. Далее предлагается переход от *теории конфликта* к *теории конфликта-в-контексте*, аргументируя его тем, что в условиях глобализации анализ конфликтов должен учитывать социальный, региональный и международный контексты. Мы должны рассматривать как способствующие построению мира факторы, так и факторы, усугубляющие конфликт на всех уровнях, от насильственного начала до периода после его разрешения. Первый раздел ставит целью развить теории формирования конфликтов, предложенные Й. Галтуном и Э. Азаром, до теории трансформации конфликтов в этом более широком контексте. В нем также предлагается схема пяти типов трансформации конфликта, которая может использоваться как основа для планирования вмешательства и его оценки.

Второй раздел статьи посвящен текущим разработкам в практике трансформации конфликтов, классифицированным по четырем основным категориям практических деятелей – правительствам и межправительственным структурам, агентствам по развитию, неправительственным организациям (НПО) и сторонам и группам, участвующим в конфликте на местном уровне. Здесь обсуждается также проблема координации между этими категориями.

Заключительная часть статьи рассматривает трансформацию конфликтов как потенциальный источник перемен как среди самих миротворцев, так и в обществе, находящемся в стадии конфликта.

2. Теории трансформации конфликтов

2.1. Существует ли теория трансформации конфликтов?

При самой скромной оценке можно утверждать, что к настоящему времени основы теории трансформации конфликтов уже заложены. Тем не менее существует множество теоретических подходов, используемых различными научными школами и практиками на местах. Эти теории отражают как разные парадигмы, так и типы агентов вмешательства (государственных и негосударственных, внутригосударственных и внешних). Исследователи и практики по-разному используют основные

понятия и термины. В частности, неясно, должен ли термин трансформация конфликтов обозначать сферу широко, что делает его синонимом термина урегулирование конфликтов и разрешение конфликтов, или же термин трансформация конфликтов обладает особыми признаками, отличающими его от двух других подходов.

Я утверждаю, что вторая точка зрения более правомерна, т.к. происходит зарождение особой теории трансформации конфликтов, которая опирается на многие уже существующие концепции их урегулирования и разрешения и уходит корнями в те же традиции теоретического осмысления конфликта. Ее следует рассматривать не как абсолютно новый подход, а как обновление концептуальной основы. Необходимость такого обновления обусловлена значительными изменениями в природе конфликта. Во-первых, большинство современных насильственных конфликтов асимметричны, и их характеризует неравенство участников на доступе к власти и разный статус. Во-вторых, многие из них имеют затяжной характер, неоднократно преступая порог насилия и выходя из него, что не позволяет применить к ним цикличные или дугообразные схемы стадий конфликта (см. статью Д. Смита в данном сборнике). В-третьих, они деформируют общество, экономику и регионы, создавая комплексные чрезвычайные ситуации, которые подпитываются, с одной стороны, противостоянием на местах, а с другой – такими глобальными факторами, как торговля оружием или оказание другими странами поддержки правящим режимам или повстанцам. Сложность таких ситуаций создает контраст с относительной простотой ключевых теорий разрешения конфликтов, особенно тех, которые отстаивают взаимовыгодное разрешение споров между двумя сторонами.

Имеет смысл различать три отдельных направления – прекращение, разрешение и трансформацию конфликтов (см. статью К. Райманн в данном сборнике), признавая при этом, что они во многом пересекаются и предполагают не только разные виды вмешательства, но и отражают разное концептуальное видение конфликта.

Теоретики школы *урегулирования конфликтов* рассматривают его с применением насилия как неизбежное следствие различий в ценностях и интересах внутри групп и между ними. Склонность к насилию возникает на почве существующих институтов и исторически сложившихся отношений, а также принципов распределения власти. Считается, что разрешить такие конфликты невозможно: в лучшем случае их можно регулировать или сдерживать, а иногда – достигать исторических компромиссов, при которых насилие отходит на задний план и восстанавливается нормальная политическая жизнь. Урегулирование конфликтов – это искусство выбирать такие формы вмешательства, которые позволяют достичь политического соглашения, осуществляемого облеченными властью деятелями, имеющими достаточно полномочий и ресурсов, чтобы заставить конфликтующие стороны заключить соглашение. Это также искусство создания эффективных институтов, которые направляли бы неизбежные конфликты в нужное русло. Выражаясь словами Блумфильда и Рейли:

“Урегулирование конфликтов – это позитивное и конструктивное улаживание разногласий и расхождений. Вместо того, чтобы отстаивать попытки устранить конфликт, [оно] предпочитает более реалистичный вариант их регулирования: как обращаться с ними конструктивно, как сделать так, чтобы противоборствующие стороны начали сотрудничать, и как создать практическую, достижимую, кооперативную систему конструктивного урегулирования разногласий” (Bloomfield, Reilly, 1998. P. 18).

В противоположность этому, теоретики школы *разрешения конфликтов* отвергают его рассмотрение с точки зрения силовой политики, утверждая, что в межгрупповых конфликтах и конфликтах, затрагивающих идентичность, люди не могут жертвовать своими базовыми потребностями. Однако они считают, что если помочь сторонам изучить, проанализировать, поставить под сомнение и переформулировать свои

позиции и интересы, появляется шанс *выйти за пределы* конфликта. Поэтому в разрешении конфликтов на первый план выходит вмешательство компетентных, но не облеченных властью третьих сторон, которые неофициально работают со сторонами конфликта, чтобы помочь им по-новому взглянуть на него и начать строить новые взаимоотношения. Они стараются выяснить, в чем именно состоят реальные причины конфликта и найти такие творческие решения, которых стороны, придерживающиеся жестких позиций, возможно, не заметили. Разрешение конфликтов помогает сторонам перейти от “нулевого” результата, т.е. деструктивной его модели, к конструктивному решению. Цель теории разрешения конфликтов – это разработка “эффективных, приемлемых для всех участников методов его решения” (Azar, Burton, 1986. P. 1).

Теоретики школы *трансформации конфликтов* считают, что в настоящее время недостаточно переформулировать позиции и найти взаимовыгодные решения. Структура сторон конфликта и их отношения отражают конфликтность взаимоотношений, которые выходят за рамки любой локальной ситуации. Поэтому их трансформация – это процесс преобразования взаимоотношений, интересов, дискурсов и в случае необходимости – всего общества, если его устройство поддерживает продолжение насильственного конфликта. Конструктивный конфликт здесь рассматривается как жизненно важный фактор или катализатор перемен. В долгосрочном процессе построения мира все люди могут внести свою лепту, в том числе представители конфликтующих сторон, люди, живущие в обществе или регионе, затронутом конфликтом, или внешние стороны (аутсайдеры. – Ред.), обладающие соответствующими человеческими и материальными ресурсами.

Трансформация требует всестороннего и широкомасштабного подхода, при котором приоритетом является не посредничество внешних сторон, а оказание поддержки группам внутри конфликта. Она представляет собой поступательный процесс, требующий реализации ряда маленьких или больших шагов, а также конкретных мер, в осуществлении которых важную роль могут играть совершенно разные акторы. Как сформулировал Дж.П. Ледерах:

“Трансформация конфликтов должна уметь включать в процесс, уважать и поддерживать человеческие и культурные ресурсы, присутствующие в данной ситуации. Это требует нового аспекта, при котором ситуация и ее участники не считаются в первую очередь проблемой, а внешняя сторона – решением. В нашем представлении, долгосрочная цель трансформации конфликтов заключается в том, чтобы утверждать на словах и в действиях приоритет людей и ресурсов на местах” (Lederach, 1995).

2.2. Вклад разных авторов в развитие теории трансформации конфликтов

Ученые, занимающиеся трансформацией конфликтов, в своих теориях опираются на разные концептуальные строительные блоки основы. Некоторые из элементов появились недавно, иные существуют давно, а третьи заимствованы у других научных школ. Идея формирования конфликта присутствовала уже в работах европейских структуралистов, анализировавших их развитие (Senghaas, 1973; Krippendorf, 1973). На данный момент одной из самых важных является концепция Й. Галтунга наиболее полно представленная в его книге “К миру – мирными путями” (1996. P. 70–126), которая вводит целый ряд важных положений.

Галтунг считает, что в конфликте присутствуют как жизнеутверждающие, так и разрушительные элементы. Конфликты возникают в результате противоречий в структуре общества и находят выражение во взглядах и в поведении лю-

дей. Однажды возникнув, они подвергаются множеству преобразований: их проявление и разъединение, осознание или потеря остроты восприятия, усложнение или упрощение, поляризация или диффузия, эскалация или спад (Ibid. P. 90). Несовместимость, которая возникает между сторонами, может быть устранена посредством преодоления противоречий, компромисса, углубления или расширения структуры конфликта, путем объединения или расхождения акторов (Ibid. P. 116). Галтунг, Криппендорф и др. подчеркивали также связь местных конфликтов с конфликтами на более высоком уровне, присущими структуре мирового общества и мировой экономики.

А. Керл в своей работе (Curle, 1971) использует подход Й. Галтунга. Он рассматривает возможность восстановить баланс в асимметричных отношениях через процесс осознания, сопоставления, переговоров и развития. Эти идеи были подхвачены Дж.П. Ледерахом, а также Д. Фрэнсис (она развивает их в своей статье в данном сборнике). Не менее значимым представляется вклад теоретиков ненасилия (Sharp, 1973; Wehr, Burgess, Burgess, 1994; Clark, 2000). Кампании за ненасилие могут трансформировать конфликт, разъединяя его опоры (которыми могут быть, например, группы, противостоящие земельной реформе) и используя их потенциал для поддержки социальных альтернатив (International Alert, 1996. P. 22, 31–33).

Бокс 1: Трансформация социальных конфликтов

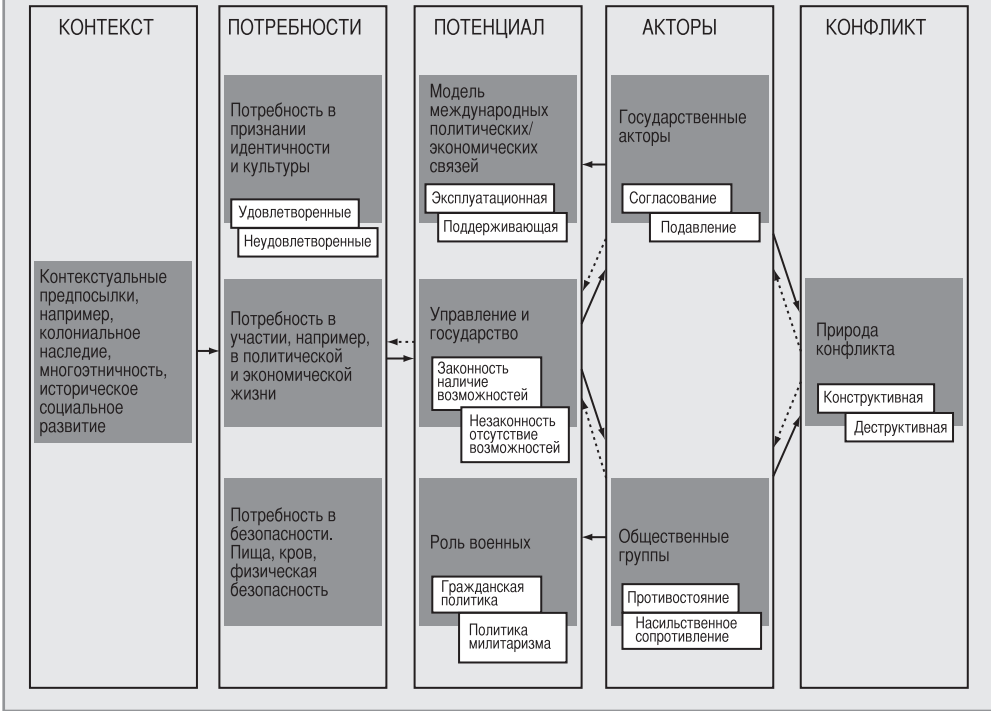
Рис. 1 основан на модели затяжного социального конфликта, предложенной Е. Азаром. Здесь она расширена и модифицирована с целью продемонстрировать, что она может охватывать как формирование, так и трансформацию (или же деформацию) конфликтов этого типа.

Если рассматривать рисунок слева направо, как в книге Азара, то возможно проследить процесс формирования затяжного конфликта. Он возникает в историческом контексте из-за неудовлетворения основных человеческих потребностей в доступе к ресурсам, идентичности и безопасности, а также в результате того политического влияния, которое оказывает государство, международные политические и экономические связи и военные. В том случае, когда государство и общественные группы выбирают в качестве своих стратегий подавление и насильственное сопротивление, конфликт приобретает деструктивный характер. Если рассматривать рисунок в обратном направлении, т.е. справа налево, видно, что деструктивный конфликт развивается по пути эксплуатации и зависимости, деформирования модели управления и милитаризования формы политики. Это приводит к дальнейшему пренебрежению базовыми потребностями, что создает повторяющийся цикл деформации общественных институтов и деструктивного развития конфликта.

Если же система управления и общество обладают необходимым потенциалом, политика не слишком милитаризована и имеются благоприятные международные условия, государства могут выбрать стратегию компромисса, а общественные группы – политические формы противостояния. Здесь есть шанс, что конфликт станет конструктивным, что в свою очередь укрепляет потенциал легитимно принятых решений, автономное развитие и поддерживает гражданскую, а не военную политику. Все это ведет к удовлетворению базовых потребностей.

Данная модель не ограничивается рассмотрением простых структурных или поведенческих факторов, а показывает, как тип конфликта зависит от таких факторов, как удовлетворение человеческих потребностей, соответствие политических и экономических институтов и выбор, сделанный политическими акторами. Она показывает также, какие альтернативы приводят в дальнейшем к благоприятной или неблагоприятной спирали конфликта.

Рис. 1: Трансформация затяжных социальных конфликтов

Книга Е. Азара “Урегулирование затяжных социальных конфликтов” (1990) оказала также значительное влияние на теорию трансформации конфликтов предпринятой здесь попыткой объяснить, почему современные конфликты имеют затяжной характер. Среди причинных факторов Азар рассматривает неудовлетворение базовых потребностей, пренебрежение вопросами управления, безопасности и экономического развития и предлагает подход, который в противоположность более общим теориям лучше описывает современные конфликты в слабых государствах. Особое внимание в его работе посвящено их возникновению и поддержанию.

Р. Вярюнен считает, что теория конфликта должна опираться на идеи трансформации, а не урегулирования, и подчеркивает, насколько важно правильно представлять, какие движущие силы присутствуют в процессе трансформации:

“Множество теорий конфликта рассматривают проблемы, вокруг которых возник конфликт, акторов конфликта и их интересы как данность и, исходя из этого, пытаются найти решение, которое устраняло бы или ослабляло противоречия между ними. Однако они не учитывают, что проблемы, стороны и интересы постоянно меняются в зависимости от социальных, экономических и политических изменений в обществе” (Vayrynen, 1991. P. 4).

Подход Вярюнена, схематично представленный в боксе 2, является прежде всего аналитическим и теоретическим, но он предлагает также вниманию миротворцев различные типы вмешательства.

Бокс 2: Классификация типов трансформации конфликтов по Вьюрюнену

- трансформация акторов – внутренние изменения сторон конфликта или появление новых сторон;
- трансформация проблем – видоизменение проблем, в связи с которыми возник конфликт;
- трансформация правил – изменение норм или правил, установленных в конфликте;
- трансформация структуры – трансформируется вся структура взаимоотношений и распределение власти в конфликте.

К. Рупесингхе (1995, 1998) выступает за всесторонний, комплексный подход к трансформации конфликтов, который объединял бы вмешательства на многих уровнях. Он предлагает укреплять мирный потенциал как на низовом уровне, так и среди разных групп гражданского общества (там, где оно присутствует), а также создавать миротворческие союзы с любыми группами, способными добиться изменений, будь то бизнес-структуры, СМИ или военные. По Рупесингхе, трансформация конфликтов заключается в широком подходе, объединяющем разные виды деятельности – от обучения навыкам разрешения конфликтов до вмешательства первого уровня, включая дипломатическое и мероприятия по поддержке мира.

Дж.П. Ледерах (1997) предложил одно из наиболее всеобъемлющих на данный момент изложений идей трансформации конфликтов, предназначенное прежде всего для практиков. Для него миротворчество представляет собой долгосрочную трансформацию системы войны в систему мира, которая опирается на ценности мира, справедливости, истины и милосердия. Она подразумевает изменение разных аспектов конфликта (личностных, структурных, межличностных и культурных), происходящее в разных временных рамках (кратко-, средне- и долгосрочное) и затрагивающее разные системные уровни (от конкретных вопросов через основные связи и отношения до подсистем и систем, в контексте которых происходит конфликт).

Таким образом, миротворчество рассматривается как структурный процесс. Соответствующая стратегия работы (например, налаживание связи между лидерами среднего звена, имеющими доступ к разным сторонам конфликта на разных уровнях) должна учитывать, каковы приоритеты в разные периоды времени (например, среднесрочные меры по укреплению мирного потенциала не должны ни упускать из виду образ желаемого будущего, ни забывать о продолжающемся кризисе). Размышляя о структуре общества, Ледерах предлагает концепцию социальной пирамиды, на верхушке которой находятся элита и высокопоставленные чиновники, в средней части – лидеры общественных, религиозных организаций и влиятельные журналисты, а в основании – местные лидеры. Ледерах считает, что мирный процесс должен учитывать взаимодополняющие изменения на всех этих уровнях.

Одной из сильных сторон этой модели является то, что она не только анализирует конфликт и состав его участников, но и предлагает задействовать миротворческие ресурсы всего общества. Но ее недостаток заключается том, что она упускает из внимания те автономные изменения политической системы, которые происходят в затронутым конфликтом обществе.

Дж.П. Ледерах затронул важную проблему, которую с тех пор многие пытаются решить в сфере разрешения конфликтов: проблему установления последовательности при вмешательствах в конфликт. Какие действия или типы вмешательства

должны быть выбраны, кто должен их осуществлять и когда? Ф. Гласл (*Glasl*, 1982) различает девять стадий эскалации конфликта, которым должны соответствовать разные типы вмешательства. Данная идея легла в основу системного подхода Р. Фишера и Л. Кишли (*Fisher, Keashly*, 1991). Эта теория заключается в том, что характер вмешательства должен соответствовать стадии конфликта. На ранних стадиях более уместной будет фасилитация. Однако когда расхождения между сторонами достигают своего пика, то необходимо силовое посредничество (или даже принуждение). Ледерах (*Lederach*, 1997) предлагает другой, непринудительный вариант ситуационной модели, основанной на предложенной А. Керлом (*Curle*, 1971) идее прогрессии конфликта.

Ученые, работающие в традиции трансформации, во многом опираются также на общую для всех трех школ концепцию динамики конфликта. Конфликты могут заикливаться в порочном кругу или же выходить на благоприятную спираль развития. Они могут расширяться (включать новые вопросы), распространяться (затрагивать новых акторов) и обостряться (увеличивать число жертв). Но они могут и трансформироваться, если их стороны меняют свои позиции и ставят перед собой новые цели, если появляются новые акторы и новые ситуации, которые способствуют налаживанию отношений и структурным изменениям.

Этот краткий обзор теорий трансформации конфликтов показывает, что некоторые теории (в частности, Азара и Вярююнена) по сути – аналитические и толковательные, ставящие целью объяснить формирование и трансформацию современных конфликтов; другие теории (например, Керла и Ледераха) – рекомендательные, помогающие миротворцам наметить путь от конфликта к достижению желаемого исхода. Идеи Галтунга, пожалуй, более, чем остальные, представляют синтез тех и других теорий.

2.3. От теорий конфликта к теориям конфликта-в-контексте

Теории трансформации конфликтов должны учитывать, что миротворчество в настоящее время включает не только предотвращение конфликтов, но и постконфликтное построение мира, и что междоусобные конфликты подвергаются все большему влиянию процессов глобализации. С одной стороны, они должны принимать во внимание факторы, углубляющие или смягчающие конфликт на разных стадиях его развития (табл. 1).

Таблица 1: Факторы, углубляющие или смягчающие конфликт на разных стадиях его развития

стадии факторы	Перед началом	Кризис	Эскалация	Протракция	После разрешения
Углубляющие	Первопричины	Пусковые события	Факторы эскалации	Факторы деформации	Нарушители мира
Смягчающие	Глубинные предотвратители	Легкие предотвратители	Факторы деэскалации	Факторы трансформации	Строители мира

Таблица 2: Причины и “предотвратители” насильственных конфликтов на разных уровнях (на материалах Африки)

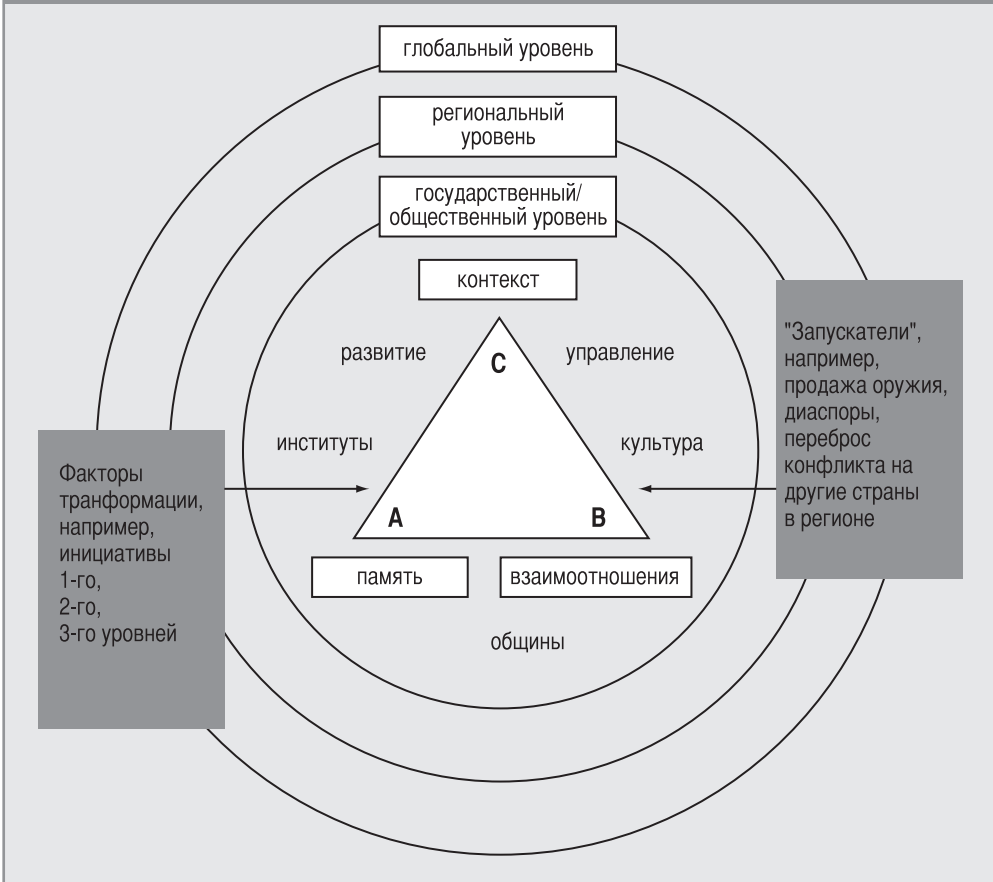
Уровень	Примеры причин	Примеры "предотвратителей"
Глобальный	Колониальное наследие	Права меньшинств, закрепленные в международном праве
Региональный	Распространение конфликта на соседние страны в районе Великих озер в Африке	Деятельность ОБСЕ по предотвращению конфликтов
Государственный / общественный	"Присвоение" государства одной этнической группой	Избирательная система, дающая больше шансов выиграть партиям со смешанным этническим составом
Сторон конфликта	Враждебные отношения между племенами хуту и тутси в Руанде	Прагматический подход меньшинства
Элиты / отдельных лиц	Лидеры племени хуту начинают геноцид против тутси	Президент принимает рекомендации ОБСЕ

Но, с другой стороны, теории трансформации должны правильно оценивать взаимодействие причин конфликта и его предотвратителей на всех уровнях международного сообщества – глобальном, региональном, на уровне государств и обществ, сторон конфликта, элит и отдельных лиц (*Miall, Ramsbotham, Wodhouse, 1999*). В таблице 2 предлагаются примеры причин и факторов предотвращения конфликтов, имеющих насильственный характер на всех этих уровнях.

При узком рассмотрении теории конфликта может создаться впечатление, что они уделяют слишком много внимания его сторонам и упускают из виду контекст, в котором он происходит, а также факторы, способствующие его продолжению, будь то эксплуатирующий характер экономики или культура насилия. Однако возможно и более полно отразить среду, в которой происходит конфликт, например, с помощью простой трехсторонней схемы, предложенной Галтунгом. В противоречия вписывается контекст, к установкам добавляются взаимоотношения, к поведению – память (рис. 2). Подобное расширенное представление показывает, что смысл конфликта во многом зависит от контекста, в котором он возник. Отношения сторон зависят от предыдущих их взаимоотношений. Их поведение – это не просто реакция на поведение противоположной стороны, оно отражает их прошлый опыт и их установки на будущее.

Контекст – это как общество, в котором происходит данный конфликт, так и более общие международные и региональные условия. Важные его элементы на уровне общества составляют культура, системы управления, институты, социальные роли, нормы, принципы и кодексы, а также путь его (т.е. общества) развития.

Рис. 2: Элементы треугольника конфликта: факторы трансформации и "запускатели" конфликта на разных уровнях системы

Например, в конфликтах, связанных с этничностью, важными элементами контекста будут меньшинства и их место в государственной структуре, а также сама эта структура. В условиях глобализации местные конфликты неизбежно попадают под влияние более общих экономических и политических сил. В одних странах мира эти силы повышают объем торговых инвестиций и совершенствуют технологии, однако они при этом оттесняют другие страны (например, Африку и бывший Советский Союз) на второй план. В них государственное управление и экономика слабеют, что нередко приводит к государственному кризису. Поэтому все чаще возникновение внутригосударственных конфликтов связано со слабостью государства и его плохой адаптацией к глобализации.

Взаимоотношения охватывают весь комплекс социальных взаимодействий, как внутри общества, затронутого конфликтом, так и с другими обществами. По мнению Ледераха, это – ключевой аспект конфликта. Плохие отношения между группами часто запускают конфликт, а впоследствии, после прекращения насилия, препятствуют попыткам построения мира.

Память – это элемент социальной интерпретации ситуации, осуществляемой каждой из сторон; она определяется культурой, процессами познания, дискурсами и

убеждениями. Формы того, как группы хранят и воспроизводят память о своем прошлом, имеют решающее значение для мобилизации конфликта, а значит и для примирения и работы с культурными традициями. На фоне более широких пространственных и временных характеристик контекст, взаимоотношения и воспоминания формируют ткань, соединяющую противоречия, установки и поведение в процессе формирования конфликта.

Эта модель помогает понять разные типы происходящей трансформации. Опираясь на подход Вьярюнена, в таблице 3 представлены пять типов трансформации или факторов трансформации.

Факторы трансформации контекста обозначают изменения в контексте конфликта, которые способны оказать серьезное влияние на восприятие сторонами ситуации в целом, а также на их мотивацию. В качестве примера можно привести последствия прекращения холодной войны для региональных конфликтов. Пример с менее обширными последствиями – идея изменить правила торговли алмазами, что перевело бы конфликтные алмазы в разряд незаконных, а это могло бы серьезно повлиять на конфликты в Сьерра-Леоне и Анголе. Учреждение в 2000 г. (см. веб-сайт www.worlddiamondcouncil.com) Всемирного алмазного совета стало многообещающим началом, но сейчас еще рано говорить о его серьезном влиянии.

Факторы структурной трансформации обозначают изменения в базовой структуре конфликта – в совокупности акторов, проблем и несовместимых целей, противостояние убеждений или изменение во взаимоотношениях в обществе, экономике и государстве, в которых происходит конфликт. Например, чтобы трансформировать асимметричный конфликт, необходимо изменить неравноправные и конкурентные отношения, которые лежат в его основе. Поскольку эти изменения происходят постепенно, все стороны конфликта – изнутри и извне – способны внести свой вклад и поддержать их. Например, движение С. Бико “Черное самосознание” помогло городской бедноте в ЮАР осознать, что они тоже обладают властью, а движение против апартеида помогло добиться сокращения иностранных инвестиций в страну задолго до окончания его режима. Многие недавние конфликты в Западной Африке продемонстрировали, что попытки трансформировать конфликт оказываются тщетными, если исключают из сферы внимания те круги, экономические интересы которых способствуют разжиганию войны.

Факторы трансформации акторов включают решение действующих лиц изменить свои цели или общее отношение к конфликту. Это касается стремления к миру или инициирования мирного процесса, а также смены лидеров, что часто играет решающую роль для трансформации конфликта. Сюда также входят изменения, касающиеся групп поддержки и избирательной базы тех или иных политических лидеров. Подобные изменения могут открыть новые пути для широкомасштабной трансформации конфликта, поскольку те деятели, которые стремятся изменить позиции своей стороны, часто становятся ключевыми фигурами в мирном процессе, способными оказывать большее влияние, чем деятели первого или второго уровня извне.

Факторы трансформации проблем связаны с позициями, которые стороны занимают по отношению к ключевым вопросам конфликта, а также с тем, как они изменяют оценку или формулировку этих позиций, если хотят достичь компромисса или разрешения конфликта. В качестве примера можно привести ситуацию в Северной Ирландии в 2001 г., когда Партия унионистов заявила, что готова рассматривать вопрос о созыве Северно-Ирландской Ассамблеи отдельно с вопросом о сдаче оружия. Другой недавний пример – это решение Израиля начать обсуждение уровня палестинской автономии в разных районах Иерусалима. Прогресс в решении центральных вопросов конфликта обычно идет медленно и извилисто, постоянно

Таблица 3: Трансформация конфликтов

Тип факторов	Примеры
1. Трансформации контекста	– изменения международного или регионального контекста
2. Структурные трансформации	– переход от асимметричного конфликта к симметричному – изменения в структуре власти – изменения на рынках насилия
3. Трансформации акторов	– смена лидеров – изменения целей – изменения внутри каждой из сторон – изменение групп поддержки – смена акторов
4. Трансформации проблем	– потеря актуальности проблем, вызвавших конфликт – конструктивный компромисс – смена проблем, вызывающих конфликт – разгруппирование или группирование проблем
5. Трансформации на уровне личностей и элит	– изменение точек зрения – изменение основы – изменение намерений – жесты примирения

рискуя быть отброшенным на первоначальные позиции; кроме того, вопрос о том, что считать прогрессом, сам по себе довольно спорный.

Перелом в убеждениях и в отношениях отдельных лидеров или в малых группах, которые обладают властью принимать решения, в критические моменты может иметь решающее значение. Часто третьи стороны пытаются установить личный контакт с лидерами и напрямую вызвать такой перелом (Curle, 1987; Mitchell, 2000). В этом контексте важную роль могут сыграть жесты примирения со стороны лидеров, демонстрирующие подобные персональные изменения.

Эти пять форм трансформации соотносятся с разными уровнями причин и предотвращения конфликтов, описанными выше. Трансформация контекста обычно происходит на глобальном или региональном уровнях. Трансформация структуры идет на уровне государства и общества. Трансформация акторов и проблем характерна для уровня сторон конфликта и элит, а персональная трансформация требует знаний на личностном уровне.

Разные ее типы затрагивают также различные элементы конфликта, будь то в структуре конфликта по Азару или по Галтунгу. Так, факторы трансформации контекста, структуры и проблем воздействуют на контекст конфликта и противоречия, лежащие в его основе. Факторы трансформации акторов и отдельных лидеров направлены прежде всего на установки и память, на поведение и взаимоотношения, которые, разумеется, взаимосвязаны.

Наконец, эти формы трансформации зависят от того, на какой стадии находится конфликт и какой момент выбран для вмешательства. Изменения в контексте и структуре обычно происходят медленно и меняют фон конфликта; другие типы

трансформации происходят быстрее, один за другим, вплетаясь в общую динамику конфликта. Последовательность перемен варьируется в разных мирных процессах в зависимости от общей логики ситуации (см. бокс 3 с примером из Северной Ирландии). Трансформация только очень простого конфликта может произойти быстро и с первой попытки. Чаще всего она оказывается медленным и извилистым процессом, в котором за каждым переломным моментом происходит обнаружение новых препятствий. В силу этого практически невозможно должным образом оценить роль отдельных шагов в общем процессе.

Динамика развития и трансформации конфликтов зависит также от способности улаживать конфликты как в отдельных обществах, так и на уровне международного сообщества. В целом эта способность более развита в тех обществах, где существуют традиции мирного урегулирования конфликтов, где институты власти легитимны, а принципы и нормы признаны. На кульминационных стадиях конфликта и войны она, однако, подвергается опасности и частично утрачивается. Модифицированная теория Азара, представленная на рис. 1, отражает связь между динамикой конфликта и способностью разделенных обществ его улаживать.

Бокс 3: Факторы трансформации конфликта в Северной Ирландии

Конфликт в Северной Ирландии как один из самых трудноразрешимых конфликтов XX в., испытавший наиболее интенсивные попытки урегулирования, может предложить многие уроки для трансформации конфликта, свидетельствующие о наличии на разных стадиях всех пяти типов трансформации. *Контекст* конфликта изменился вследствие долгосрочных изменений в британском и ирландском обществах, развития Европейского Союза и окончания холодной войны. *Структура* конфликта менялась по мере того, как коалиция националистических партий находила новых союзников и обретала уверенность в своих силах, что позволяло ей добиваться баланса в ранее асимметричных взаимоотношениях. *Трансформация акторов* включала появление новых лиц в правительстве Великобритании, фундаментальные изменения в системе мышления руководства партии Шин Фейн, а также раскол и перемены в рядах унионистов.

Трансформации проблем включали предусмотренные договором Страстной Пятницы (1998 г.) соглашения, признающие легитимность двух культурных традиций и учреждающие институты, которые одинаково представляют как ирландские, так и британские структуры управления (например, жители Северной Ирландии теперь могут иметь по своему выбору британский или ирландский паспорт). Все это стало возможным только благодаря перелому в воззрениях *представителей элит и индивидуальных акторов*. Но даже после этих трансформаций конфликт не исчезает, а проявляется снова и снова в каждый сезон маршей, возрождая атмосферу раздора и страха.

Северная Ирландия представляет собой пример взаимодополняемости подходов на различных уровнях и взаимодействия “структурных” и “культурных” подходов (Bloomfield, 1997). Например, Совет по межобщинным отношениям, благодаря своей терпеливой работе на местах, приобрел авторитет, позволивший ему наладить неофициальный диалог между молодыми политиками (Fitzduff, 1999).

Мы до сих пор плохо представляем себе, какую роль сыграло “гражданское общество” в этом мирном процессе, а также в более долгосрочном процессе наведения мостов между враждовавшими общинами. Попытку в этом направлении делает Ф. Кокрейн (работа планируется к публикации).

Конструктивное урегулирование конфликтов укрепляет веру общества в свои гражданские институты, культуру и способность справляться с конфликтами без применения насилия. Оно не только трансформирует взаимоотношения, но и укрепляет систему управления в обществе и способность добиваться перемен мирным путем.

Деструктивный конфликт наносит как сторонам конфликта, так и всем окружающим все больший урон. Это пагубно отражается на перспективах сотрудничества, в том числе в системе управления, в экономическом развитии и в социальных взаимоотношениях, а в некоторых случаях – и на функционировании всего государства. Затяжные конфликты серьезно деформируют все общественные институты.

Эти общие теоретические соображения могут стать основой для анализа и оценки практики трансформации конфликтов; они помогают также выявить пробелы и слабости в способности международного сообщества улаживать конфликты.

3. Практика трансформации конфликтов

3.1. Акторы трансформации конфликтов

Трансформация конфликтов обычно включает широкий круг акторов, которые при разных обстоятельствах используют широкий набор различных практических подходов. Акторов можно при этом подразделить на четыре основные категории, отражающие развитие современных практических методов:

- государства и межправительственные организации;
- организации по развитию и гуманитарные организации;
- международные НПО, специализирующиеся на предотвращении и трансформации конфликтов;
- стороны конфликта и другие группы внутри затронутого конфликтом общества.

Прежде чем перейти к рассмотрению проблем, возникающих при сочетании подходов, я кратко остановлюсь на практических методах, характерных для той или иной группы.

Практики первого уровня – государства и международные организации – представляют наиболее важных и влиятельных акторов. Их действия оказывают прямое и сильное воздействие на стороны конфликта, причем позитивные и негативные результаты их деятельности открыты для всей общественности. Периодом надежд было начало 1990-х годов, когда ООН стала осуществлять развернутую концепцию миротворчества, изложенную в *“Повестке дня для мира”*, а также провела ряд успешных миротворческих операций, приведших к заключению мирных соглашений в Камбодже, Намибии, Анголе, Мозамбике и Эль-Сальвадоре.

Эти инициативы привели к созданию модели миротворчества ООН, которая подразумевает разные виды деятельности: военные действия для обеспечения демобилизации, разоружения и интеграции вооруженных сил оппозиции; конституционные меры для проведения выборов и установления переходного правительства; административную поддержку, оказываемую гражданскому правительству и инфраструктурам, включая обучение местной полиции и, при необходимости, надзор за ее деятельностью; обеспечение прав человека; возвращение беженцев; восстановление пострадавшей от войны инфраструктуры. Эта модель на первых порах продемонстрировала поразительные успехи, и в случаях с Намибией и Мозамбиком она

действительно привела к мирной трансформации. Однако в других странах, например в Анголе и Камбодже, насильственные конфликты позже возобновились. ООН и государства, наиболее активные на международной арене, продолжают извлекать уроки из этих акций и осуществлять аналогичные миротворческие операции, например, в Боснии и Косово. Хотя и можно утверждать, что в этих случаях международное вмешательство остановило крупномасштабный межэтнический конфликт, пока рано говорить о его глубинной трансформации. Этнонационалистические лидеры по-прежнему остаются у власти, а соглашения, отражавшие реалии этнических расколов во время войны, переносят эти расколы в мирное время и тем самым закрепляют их.

В этих, ставших хрестоматийными, случаях многие решения, разумеется, были навязаны после колебаний международного сообщества, так и не пришедшего к общему мнению. Более впечатляющими, однако, представляются примеры, когда удалось предотвратить переход конфликта в стадию с применением насилия и когда успешными оказались и “глубокое” (“структурное”), и “поверхностное” (“оперативное”) ее предотвращение.

Воплощением впечатляющей трансформации в этих случаях стали реальные изменения в контексте конфликта и в структуре общества.

Например, потенциальный межэтнический конфликт в Эстонии был предотвращен благодаря ряду факторов. Свою роль сыграло широко известное вмешательство Верховного комиссара по делам национальных меньшинств ОБСЕ, осуществленное при поддержке Европейского Союза и правительств скандинавских стран. Предотвращению конфликта способствовало также изменение экономических условий, повлиявшее на мотивацию русскоязычного населения. Важным дополнительным фактором стала новая избирательная система, которая поощряла голосование за представителей других этнических групп и тем самым способствовала переходу от “этнической” политики к политике экономических и региональных интересов. Политики неэстонского происхождения были включены в списки кандидатов от эстонских партий, а Эстонская центристская партия, включив в свою программу защиту интересов русскоязычного населения, заручилась его поддержкой. Этот пример успешного “урегулирования” конфликта посредством “этнической аккомодации” стал возможным благодаря трансформации контекста в Эстонии в период после 1991 г.

Второй тип практической деятельности присущ организациям, работающим в сфере развития и гуманитарной помощи. В 1980–1990-х годах эти организации стали осуществлять все больше дорогостоящих программ по восстановлению пострадавших от войны обществ и возмещению ущерба, нанесенного развитию этих обществ, включая в программы развития компоненты построения мира. В некоторых случаях такая деятельность сопровождала соответствующие операции миростроительства ООН, например в Мозамбике, где донорские организации помогли провести выборы в планируемые сроки и поддержали преобразование RENAMO в политическую партию. В других случаях помощь по развитию была непосредственно направлена на сдерживание конфликта, как это происходило в Сомали, когда доноры для смягчения разногласий в регионе предоставляли помощь беженцам в заброшенных уголках страны. Программы реинтеграции детей-солдат или реабилитации сельскохозяйственных угодий также служат примером проектов по развитию, которые могут включать компонент строительства мира. Не менее важное значение имеет развитие местного потенциала и укрепление навыков урегулирования конфликтов среди коренного населения. В качестве примера можно привести деятельность международной гуманитарной организации Oxfam по трансформации конфликта в Северной Кении (см. бокс 4).

Бокс 4: Трансформация конфликта в Северной Кении

В Северной Кении расширению и усугублению конфликтов среди кочевников-животноводов, а также между ними и общинами земледельцев способствовали такие факторы, как чрезмерная эксплуатация засушливой земли и распространение использования автомата Калашникова при традиционных угонах скота. В войну оказались втянутыми не только исторические противники, такие, как племена туркана и покот или сомали и борана, но и общины, которые мирно сосуществовали еще в 1980-е годы. Милитаризация этих общин оказывает негативное воздействие на безопасность всей Кении и пограничных с ней территорий, а также пагубно влияет на общины, которые оказались втянутыми в конфликт. В ответ на сложившуюся ситуацию Oxfam при поддержке местных старейшин в рамках “Животноводческого проекта в округе Барагой” в 1997 г. организовал мирные переговоры.

Одним из приоритетов Oxfam было посредством лексического и этнографического анализа понять и по достоинству оценить кодексы чести и поведения местных людей (Kona, 1999). С этим намерением местный женский комитет учредил комитет мира и развития Ваджира, который объединил 27 правительственных учреждений и НПО на северо-востоке Кении. Комитет занимается практическим обучением и развитием местного потенциала и в 1993 г. помог достичь прекращения огня; в настоящее время он продолжает работу по предупреждению и разрешению местных конфликтов в регионе (Европейская платформа по предупреждению конфликтов, 1999а. С. 152; 1999b. С. 243–247).

Помощь по развитию, разумеется, может иметь как запланированные, так и непредвиденные последствия. Например, бывали случаи, когда стороны конфликта перехватывали гуманитарную помощь и использовали ее для продолжения военных действий. Поэтому в настоящее время предпринимаются попытки выработать систему индикаторов для лучшей оценки воздействия на конфликты подобных проектов. Она должна опираться на комплексную систему трансформации конфликта, подобную предложенной выше.

Хотя и роль, и влияние организаций по развитию постоянно растут, своей главной задачей эти организации считают поддержку и поощрение работы других, а не принятие основной ответственности за трансформацию того или иного конфликта на себя (эта идея по-прежнему считается новой и требующей дополнительного обоснования). В итоге основная работа по трансформации конфликта ложится на плечи НПО.

Среди практических деятелей всех групп именно НПО оказались наиболее восприимчивыми к концепции трансформации конфликтов. Вслед за Дж.П. Ледерахом активисты НПО выступают за долгосрочную и непрерывную работу. Они стремятся к пониманию причин конфликта, работая непосредственно как с участниками конфликта, так и с внешними сторонами, и ставят своей целью расширить пространство для диалога, поддержать местные и национальные конференции и семинары по теме достижения мира, выявить возможности для развития, участвовать в инициативах по построению мира, налаживанию взаимоотношений и созданию необходимых институтов.

Методы и подходы, используемые акторами второго уровня, более подробно рассматриваются в других статьях данного сборника. Речь идет о таких инициативах, как оказание помощи местным группам и общественным движениям, укрепление мирного потенциала, развитие возможностей, повышение самостоятельности основных акторов, организационное развитие, а также налаживание сетевого взаимодей-

ствия и обучение. Примером такого рода работы может быть проект базирующейся в Лондоне НПО “Ресурсы примирения” (РП), осуществленный на Фиджи в сотрудничестве с местными организациями. РП поддерживала деятельность гражданского конституционного форума на Фиджи, который играл ключевую роль в разработке новой конституции в 1996 г., когда была введена альтернативная система голосования и распределения власти (Conciliation Resources, 2000). К сожалению, недавний переворот на Фиджи и возвращение к этнически однородному правительству наглядно демонстрируют, какие неудачи могут постичь такого рода деятельность.

Одно из главных требований для такой деятельности представляет тщательный анализ конфликта (см. бокс 5), который лучше всего проводить при участии его сторон. Среди задач, для решения которых практика нуждается в разработанной теории, можно назвать отслеживание динамики конфликта в долгосрочной перспективе.

Другая важная сфера – это оценка практической деятельности и ее результатов. Для многих фасилитаторов и тренеров оценка стала неотъемлемым элементом работы с участниками конфликта, однако необходим более систематический подход, который позволял бы оценивать воздействие разных форм вмешательства. Важность этой оценки стала признаваться по мере роста понимания того, что вмешивающаяся сторона может оказывать как позитивное, так и негативное воздействие (см. статью М. Андерсон в данном сборнике).

Бокс 5: Анализ конфликта

Принципы картографии конфликтов, предложенные П. Вером еще в 1979 г. (*Wehr, 1979*), до сих пор не потеряли своей ценности. Более поздние руководства можно найти в работах Х. Майалла, О. Рамсботам и Т. Вудхауса (*Miall, 1999; Ramsbotham, Woodhouse, 1999. P. 92–93*), Д. Блумфильда, Б. Рейли (*Bloomfield, Reilly, 1998. P. 41–43*), а также М. Леонхардт (*Leonhardt, 2000*). В основе этого метода лежит идея “снимка” конфликта в определенный момент, который запечатлевает основных участников, заинтересованных сторон, проблемы и взаимосвязи, а затем – всех остальных акторов, третьих сторон или потенциальные мирные альянсы, способные изменить ситуацию. Более детальный анализ может использовать те же индикаторы конфликта, которые применяются для раннего предупреждения и оценки воздействия (*Schmid, 1997; Joongman, 2000*; а также статья Т. Паффенхольц в данном сборнике).

В завершение отметим самое главное: именно на местных акторах лежит основная ответственность, и именно они имеют больше, чем кто бы то ни было, возможностей трансформировать собственный конфликт. Существуют примеры, когда среди сторон конфликта появляется группа, которая начинает играть роль встроенной третьей стороны, помогая открывать каналы диалога и создавать новые политические возможности. Иногда подобные группы осуществляют “трансформацию на уровне акторов”, например в случае, когда партия Шин Фейн решила отказаться от насильственных форм борьбы в пользу политических. Представители гражданского общества и местных НПО могут играть ключевую роль в налаживании отношений между политическими партиями и местными группами, таковой была, например, деятельность монастыря Клонарда в Северной Ирландии. Подобные местные группы имеют первостепенное значение для построения мира. Например, укрепляя уважение к культурным традициям, они затрагивают также вопросы исторической памяти и примирения, примером чему может служить деятельность общины Кори-мила в Северной Ирландии. Трудно оценить влияние такой работы на макроуровень конфликта, но в любом случае на микроуровне происходят внушающие надежду личные и групповые изменения.

3.2. Координация и многоуровневая дипломатия

Проблема эффективного взаимодействия инициатив на разных уровнях представляет особую сложность для трансформации конфликта. В том случае, когда такое взаимодействие происходит, оно может приводить к продуктивным результатам, как это произошло в Македонии (см. бокс 6).

Бокс 6: Сотрудничество в многоуровневой дипломатии в Македонии

Пример Македонии свидетельствует о том, что инициативы, принятые на разных уровнях, могут по-настоящему дополнять друг друга. Например, Верховный комиссар ОБСЕ по делам меньшинств (первый уровень, внешний) в сотрудничестве с Институтом открытого общества в столице Македонии Скопье (третий уровень, внутренний) предложили несколько вариантов компромиссного решения проблемы высшего образования. Одновременно с этим на международной конференции по вопросам бывшей Югославии (первый уровень) был достигнут компромисс между Македонией и этническими сербами, в то время как Р. Холбрук и правительство США (первый уровень) добились соглашения между Грецией и Македонией, которое привело к прекращению блокады. Американская НПО «Поиск согласия» (третий уровень, внешний) разработала долгосрочный проект, направленный на удовлетворение потребностей общин обеих сторон конфликта. Он включал такие направления, как развитие многосторонней журналистики и уважения к общему культурному наследию и памятникам, чтимым каждой из общин, а также совместные инициативы по охране окружающей среды (Ackermann, 2000).

Напряженность между двумя общинами сохраняется и, возможно, даже усугубилась под влиянием войны в Косово. Например, столкновения в мае-июне 2000 г. вполне могли перерасти в гражданскую войну. Нерешенными остались серьезные разногласия по поводу идентичности и статуса групп. Несмотря на это, в период написания данной статьи в парламенте Македонии по-прежнему функционировала межэтническая коалиция, которая, пожалуй, представляет собой самый существенный фактор сдерживания насильственного конфликта. Хотя и существующее напряжение все еще может распространиться на всю страну, внутренним и внешним акторам до сих пор удается эффективно поддерживать, по крайней мере на высшем уровне, способность улаживать разногласия.

Приведенный пример, однако, представляет скорее исключение, поскольку слишком часто внутренние и внешние акторы на различных уровнях действуют наперекор друг другу. Это не удивительно, если вспомнить, насколько отличаются их мировоззрения (см. бокс 7). Действия на одном уровне иногда подрывают усилия, предпринимаемые на другом. Например, если организация стремится разрешить конфликт ненасильственными методами, ей будет сложно сотрудничать с правительством, которое не пренебрегает силовыми методами, чтобы заставить местные группы примириться с его условиями. Министерства иностранных дел обычно не приветствуют вмешательство НПО в дипломатическую сферу.

Практики, занимающиеся трансформацией конфликтов на неправительственном уровне, должны с вниманием и уважением относиться к культуре конфликтного региона, к целям и возможностям остальных акторов. Они должны помнить, что не всегда способны влиять на других акторов, чьи действия оказывают влияние на их собственную работу. Более того, когда трансформация потребует изменения стратегий акторов первого уровня вне зоны конфликта, от них может потребоваться расширение масштаба деятельности. Например, растет признание того, что такие

структуры, как Всемирный банк, могут оказывать существенное влияние на конфликты. Поэтому кампании по изменению политики подобных организаций все чаще стали включаться в число задач трансформации конфликта.

Бокс 7: Многоуровневая дипломатия

В числе наиболее сложных вопросов в данной сфере остаются, во-первых, характер взаимосвязей между разными уровнями миротворчества и построения мира в каждой конкретной ситуации и, во-вторых, динамика изменений и взаимного влияния. Легко убедиться, что мирные соглашения и другие формы политического урегулирования (каким было принятие новой конституции на Фиджи) требуют проведения переговоров с привлечением всех заинтересованных кругов; при этом важно уделять внимание реалиям на местах. Мы поняли, что если мирные соглашения навязываются извне, они либо спотыкаются о первое же препятствие, либо не способствуют достижению справедливых и мирных отношений, к которым стремились стороны конфликта. Сильной стороной гражданских инициатив является то, что они могут убедить политиков и других лидеров решать разногласия на уровне внутренней политики, не прибегая к насильственной конфронтации.

Закладывание необходимого для прочного мира социального фундамента, которое осуществляется на уровне групп гражданского общества и местных общин, часто терпит крах или попадает в сферу влияния политических или военных кругов. При этом практически невозможно выяснить, оказала ли какое-либо влияние на ситуацию кропотливая и длительная работа на местах. Как бы мы ни пытались устранить эти трудности, становится ясно, что трансформация конфликта и построение мира будут устойчивыми, только если работа будет проводиться на всех уровнях (Conciliation Resources, 2000).

3.3. Оценка воздействия практической деятельности

В чем выражается влияние всей совокупности практической деятельности на конфликты? Однозначных ответов пока не существует. Есть свидетельства о значительных достижениях в сфере укрепления мирного потенциала, например, в работе Дж.П. Ледераха (1997). В последнее время было выпущено несколько публикаций, содержащих впечатляющие истории их успеха (European Platform for Conflict Prevention, 1999a,b). Систематический сравнительный анализ позволил, однако, только недавно определить ключевые параметры в оценке воздействия. Такой анализ, в частности, проводился в рамках проектов “Анализ миротворческой практики” и “Извлечение уроков из вмешательств в конфликты”, осуществленных Европейской платформой по предупреждению и трансформации конфликтов. В работе Дж. Берковича (*Bercovitsch*, 1996) выдвинуто предположение, что в достижении соглашения наиболее эффективными будут те подходы по урегулированию конфликтов, в которых задействованы рычаги власти. Урегулирование конфликта, однако, часто терпит неудачу при его трансформации. Поэтому возможно, что более важна долгосрочная деятельность, позволяющая наладить отношения и развить потенциал, чем хрупкие и скоропалительные политические соглашения.

Известные нам данные об окончании этнических конфликтов не дают особых поводов для оптимизма. В своем исследовании о конфликтах, разрешенных мирным путем после 1945 г. в Европе, на Ближнем Востоке и в Африке, автор обнаружил только несколько единичных случаев, когда этнические конфликты были разре-

ны таким образом (это конфликты на принадлежащих Финляндии Аландских островах, в Северном Эпире в Греции, в земле Саар в Германии и в Южном Тироле в Италии). В недавней работе Ф. Пфетча и К. Ролоффа (*Pfetsch, Roloff, 2000*) устанавливается, что из 121-го конфликта, связанного с этничностью, религией или региональной автономией, только 13 конфликтов было разрешено путем мирных переговоров, в 51-м случае конфликт остался неразрешенным, в 8-ми случаях для разрешения применялась угроза силовых методов, а в 49-ти случаях имело место насилие. В большинстве своем мирное разрешение конфликтов приходится на республики бывшего Советского Союза в 1991 г. Действительно, если не считать насильственных конфликтов в Чечне, Таджикистане, Нагорном Карабахе и некоторых других регионах, поразительно, сколько потенциальных этнических конфликтов в бывшем Советском Союзе было трансформировано ненасильственным путем.

Одним из полезных исследовательских направлений мог бы стать анализ случаев мирного разрешения, выявляющий факторы, которые позволили избежать насилия, а также методы, использованные при урегулировании (или попытках урегулирования) этнических и других внутрисоюзных конфликтов. Прекращение насилия, однако, является слишком грубым и однозначным индикатором окончания конфликта, и это обстоятельство не позволяет использовать его в планировании и оценке трансформации. Для этого требуется более тонкий дифференцированный подход (см. статью М. Хоффмана в данном сборнике). Одним из возможных вариантов могли бы стать индикаторы, разработанные в рамках проекта “Оценка воздействия на мир и конфликт” (ОВМК). Если разложить трансформацию конфликтов на последовательные изменения в их структуре, целях сторон и проблематике, как это предложено в теоретической части данной статьи, это помогло бы соотнести формы вмешательства с конкретными преобразованиями в конфликте.

Воздействие инициатив по трансформации не должно ограничиваться сторонами конфликта. Оно напрямую затрагивает всех действующих лиц. Проблемы, трудности, препятствия, неудачи и отсрочки, присущие любому процессу в ней, означают, что необходимо также “трансформировать тех, кто осуществляет трансформацию”. Об этой группе необходимо помнить (см. бокс 8) при планировании деятельности по обучению культуре мира, повышению качества тренингов и созданию возможностей для внутреннего самоанализа и духовного роста.

Бокс 8: Трансформация агентов трансформации – улыбка как метод

Один из наиболее интересных деятелей в области трансформации конфликтов в мире использует метод, который редко упоминается в работах о конфликтах и абсолютно отсутствует в теориях конфликта. Но это очень эффективный метод. Это – улыбка. “Делая вдох, я успокаиваю разум и тело. Делая выдох, я улыбаюсь. Я живу в настоящем. И для меня существует только этот миг”.

Тич Нат Хан – буддийский монах, поэт и миротворец из Вьетнама. Он не единственный сторонник “улыбчивого” подхода к трансформации конфликтов. Далай-лама, Адам Керл и Нельсон Мандела – все инстинктивно использовали улыбку. Тич Нат Хан не только умеет замечательно улыбаться, но и предлагает всестороннее руководство по теории и практике улыбки, основанное на традиционной мудрости и практике (*Nhat Hanh, 1987*). “Если мы миролюбивы, если мы счастливы, то мы улыбаемся и расцветаем, как майский цветок, и каждый в нашей семье и во всем нашем обществе получает от этого благо”.

Идея улыбки как подхода к трансформации конфликтов основана на концепции взаимозависимого сопроисхождения. Практика улыбок – это часть практики “заинтересованной сосредоточенности” и напоминает нам, что те, кто

занимается трансформацией конфликтов, ответственны за свою собственную трансформацию.

Согласно теории взаимозависимого сопроисхождения, все аспекты жизни оказывают влияние друг на друга и находятся внутри друг у друга. Цветок только частично является цветком, внутри него также заключены солнце, дождь и земля. Цветок сотворен из нецветочных элементов. Аналогичным образом, наше “я” включает в себя “не наши” элементы. Мы можем находить частичку себя в других и частички других – в себе.

Буддийская психология считает, что у человека есть сознание-ум и сознание-хранилище. Семена развиваются в сознании-хранилище, и когда они проникают в сознание-ум, мы начинаем их поливать, и они прорастают. В конфликте мы поливаем семена гнева, они растут и занимают все наше сознание-хранилище. Гнев начинает владеть нашими мыслями и поведением. Но этого можно избежать. Практика заинтересованной сосредоточенности может трансформировать гнев, боль и ненависть в сочувствие, радость и любовь.

В трансформации конфликтов, как и в состоянии сосредоточенности, мы ухаживаем за семенами и поливаем их, не зная заранее, что из них вырастет. Память, взаимоотношения и конфликты – это семена в коллективном сознании-хранилище. Трансформация коллективных конфликтов требует глубокого понимания себя и своего сосуществования с другими.

4. Заключение

Наша статья преследовала цель показать, что за последнее десятилетие сформировалась самостоятельная школа теории и практики трансформации конфликтов. Она отличается от их урегулирования и разрешения, хотя все три школы опираются на общие традиции изучения конфликтов и вмешательства.

Трансформация конфликтов – это всесторонний подход, охватывающий ряд параметров (проблемы микроуровня и макроуровня, уровни от местного до глобального, акторы из числа широких масс и элиты, краткосрочные и долгосрочные рамки). Он направлен на развитие потенциала и привнесение структурных изменений, а не на помощь в поиске решений и достижения соглашений, предполагает вмешательство в конфликт либо на преднаильственной стадии, либо после вспышки насилия, а также работу с причинами и последствиями насильственных конфликтов, которые обычно выходят за пределы зоны военных действий.

Статья утверждает, что амбициозные, предписывающие теории должны интегрироваться в аналитический подход, завоевывающий признание. В то же время аналитические теории должны расширять свои временные рамки и масштаб. В ней предлагается также преобразовать теорию конфликта в теорию конфликта-в-контексте, а также подчеркивается необходимость теоретически обоснованной системы оценки.

В теории по-прежнему остается множество вопросов. До сих пор не существует детальных теорий, гибко реагирующих на появление новых свойств конфликта, в том числе новых акторов и новых проблем. Большинство их ограничивается либо рассмотрением причин и динамики конфликтов, либо поддержкой миростроительного потенциала. Поэтому им пока не удалось интегрировать все многообразие взаимодействий между факторами предупреждения и причинами конфликта. Присутствует недостаточно критичное стремление охватить все аспекты многоуровне-

вой дипломатии, притом, что соотношение действий на различных уровнях пока еще не концептуализировано адекватно. Еще не сформировано понимание того, как инициативы трансформации воздействуют на конфликт, что усложняет их оценку.

Поскольку задачи трансформации конфликтов продолжают расширяться, они могут показаться неосуществимыми. Любой отдельно взятый практик или теоретик может затронуть только часть этой огромной сферы. В наших силах добросовестно и качественно проделать свою часть работы. Мы сеем семена и верим, что об остальном позаботится взаимозависимое сопроисхождение.

- Ackermann A.*, 2000. *Making Peace Prevail: Preventing Violent Conflict in Macedonia*. Syracuse: Syracuse UP.
- Anderson M.*, 1999. *Do No Harm: How Aid Can Support Peace – or War*. Boulder: Lynne Rienner.
- Axelrod R.*, 1984. *The Evolution of Cooperation*. NY: Basic Books.
- Azar E., Burton J.W.*, 1986. *International Conflict Resolution: Theory and Practice*. Boulder: Lynne Rienner and Wheatsheaf.
- Azar E.*, 1990. *The Management of Protracted Social Conflict*. Aldershot: Dartmouth.
- Bailey S.*, 1993. *Peace is a Process*. Quaker Home Service and Woodbrooke College for the Swarthmore Lecture Committee.
- Bercovitch J. (ed.)*, 1996. *Resolving International Conflicts: The Theory and Practice of Mediation*. Boulder: Lynne Rienner.
- Bloomfield D.*, 1997. *Peacemaking Strategies in Northern Ireland: Building Complementarity in Conflict Management Theory*. Basingstoke: Macmillan.
- Bloomfield D., Reilly B.*, 1998. *The Changing Nature of Conflict and Conflict Management // Democracy and Deep-rooted Conflict / Eds. P. Harris, B. Reilly*. Stockholm: Institute for Democracy and Electoral Assistance (IDEA).
- Burton J.*, 1987. *Resolving Deep-rooted Conflict: a Handbook*. Lanham, Maryland: UP of America.
- Burton J., Dukes F. (eds.)*, 1990. *Conflict: Practices in Management, Settlement and Resolution*. London: Macmillan. (Vol. 4 of the Conflict Series.)
- Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict, 1997. *Preventing Deadly Conflict*. Washington DC: Carnegie Corporation of New York.
- Clark H.*, 2000. *Civil Resistance in Kosovo*. London: Pluto.
- Cochrane F., Dunn S.*, 2002. *People Power: The Role of the Voluntary and Community Sector in the Northern Ireland Conflict*. Cork: Cork UP.
- Conciliation Resources, 2000. *Annual Report 1999*. London: Conciliation Resources.
- Coogan T.*, 1995. *The Troubles: Ireland's Ordeal 1966–1995 and the Search for Peace*. London: Hutchinson.
- Corbin J.*, 1994. *Gaza First: the Secret Norway Channel to Peace between Israel and the PLO*. London: Bloomsbury.
- Curle A.*, 1971. *Making Peace*. London: Tavistock.
- Curle A.*, 1987. *In the Middle: Non-official Mediation in Violent Situations*. NY: Berg.
- Curle A.*, 1996. *Another Way: Positive Responses to Violence*.
- De Reuck A.*, 1984. *The Logic of Conflict: its Origin, Development and Resolution // Conflict in World Society / Ed. M. Banks*. Brighton: Harvester.
- Duffield M.*, 1997. *Evaluating Conflict Resolution // Serbe G., Macrae J. and Wohlgemuth L. NGOs in Conflict. An Evaluation of International Alert*. Fantoft-Bergen; Norway: Christian Michelsen Institute. P. 79–112.
- European Platform for Conflict Prevention, 1999a. *Searching for Peace in Africa: An Overview of Conflict Prevention and Management Activities*. Utrecht: European Centre for Conflict Prevention.
- European Platform for Conflict Prevention, 1999b. *People Building Peace*. Utrecht: European Centre for Conflict Prevention.
- Fisher R., Keashly L.*, 1991. *The Potential Complementarity of Mediation and Consultation within a Contingency Model of Third-party Intervention // Journal of Peace Research*. Vol. 28, № 1. P. 29–42.
- Fitzduff M.*, 1999. *Changing History – Peace-building in Northern Ireland // European Centre for Conflict Prevention, People Building Peace*. Utrecht: European Centre for Conflict Prevention.

- Galtung J.*, 1969. Conflict as a Way of Life // *Freeman H.* Progress in Mental Health. London: Churchill.
- Galtung J.*, 1996. Peace by Peaceful Means. London: Sage.
- Galtung J., Jacobsen C.G.*, 2000. Searching for Peace. London: Pluto.
- Glasl F.*, 1982. The Process of Conflict Escalation and Roles of Third Parties // Conflict Management and Industrial Relations / Eds. G.B. Bomers and R.B. Peterson. Boston: The Hague; London: Kluwer Nijhoff.
- Harris P., Reilly B.* (eds.), 1998. Democracy and Deep-rooted Conflict. Stockholm: IDEA.
- Hume C.*, 1994. Ending Mozambique's War. Washington: United States Institute of Peace.
- International Alert, 1996. Resource Pack for Conflict Transformation. London: International Alert.
- Jabri V.*, 1996. Discourses on Violence: Conflict Analysis Reconsidered. Manchester: Manchester UP.
- Joongman A.*, 2000. Mapping Dimensions of Contemporary Conflicts and Human Rights Violations // World Conflicts and Human Rights MAP 2000. PIOOM, Leiden: Leiden University.
- Kona E.S.*, 1999. A Framework for Cross-cultural Conflict Resolution Theory: Prospects for Cultural Contributions from Africa. Richardson Institute; Lancaster University: Unpublished thesis.
- Kriesberg L.*, 1998. Constructive Conflicts: From Escalation to Resolution. Lanham: Rowman and Littlefield.
- Krippendorf E.*, 1973. Peace Research and the Industrial Revolution // Journal of Peace Research. Vol.10. P. 185–201.
- Lederach J.P.*, 1995. Preparing for Peace: Conflict Transformation Across Cultures. NY: Syracuse UP.
- Lederach J.P.*, 1997. Building Peace: Sustainable Reconciliation in Divided Societies. Washington, DC.: United States Institute of Peace Press.
- Leonhardt M.*, 2000. Conflict Impact Assessment of EU Development Cooperation with ACP Countries: A review of literature and practice. London: International Alert/Saferworld.
- Miall H., Ramsbotham O., Woodhouse T.*, 1999. Contemporary Conflict Resolution. Cambridge: Polity.
- Mitchell C.R.*, 2000. Gestures of Conciliation: Factors Contributing to Successful Olive-Branches. Basingstoke, Macmillan.
- Mitchell C.R.*, 1981. The Structure of International Conflict. London: Macmillan.
- Nhat Hanh T.*, 1987. Being Peace. Parallax Press.
- Nhat Hanh T.*, 1967. Lotus in a Sea of Fire. NY: Fellowship of Reconciliation.
- Pfetsch F., Rohloff C.*, 2000. National and International Conflicts 1945–1995. London: Routledge.
- Phuong C.N.*, 1991. Compassionate Action in the Midst of War // Karuna. 11 (Spring).
- Ramsbotham O., Woodhouse T.*, 1996. Humanitarian Intervention in Contemporary Conflict. Cambridge: Polity.
- Rapoport A.*, 1989. The Origins of Violence. NY: Paragon House.
- Reychler L., Paffenholz T.*, 2001. Peace-Building: A field guide. London and Boulder: Lynne Rienner.
- Ruane J., Todd J.*, 1996. The Dynamics of Conflict in Northern Ireland. Cambridge: Cambridge UP.
- Rupesinghe K.* (ed.), 1995. Conflict Transformation, London: Macmillan.
- Rupesinghe K.*, 1998. Civil Wars, Civil Peace, London: Pluto.
- Schmid A.*, 1997. Early Warning of Violent Conflicts // Violent Crime and Conflicts / Ed. A. Schmid. Milan: ISPAC.
- Senghaas D.*, 1973. Conflict Formations in Contemporary International Society // Journal of Peace Research. Vol. 10. P. 163–184.
- Sharp G.*, 1973. The Politics of Nonviolent Action. (3 vols). Boston: Porter Sargent.
- Ury W.*, 1999. Getting to Peace: Transforming Conflict at Home, at Work, and in the World, NY: Viking.
- Väyrynen R.* (ed.), 1991. To Settle or to Transform? Perspectives on the Resolution of National and International Conflicts // New Directions in Conflict Theory: Conflict Resolution and Conflict Transformation. London: Sage. P. 1–25.
- Wehr P.*, 1979. Conflict Regulation. Boulder; Colorado: Westview.
- Wehr P., Burgess H., Burgess G.* (eds.), 1994. Justice Without Violence. Boulder; Lynne Rienner.
- Weller M. et al.*, 2000. Missed Opportunities of Conflict Prevention in Kosovo: A transatlantic evaluation. Ebenhausen: Conflict Prevention Network/SWP.